

Б.Б. Булатов, Р.Дж. Селимов

**ФАКТОР РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО
ТЕРРОРИЗМА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Ближний Восток остается очень нестабильным регионом, периодически сотрясаемым широкомасштабными конфликтами и постоянно страдающим от кровопролития. Причины конфликтов и кровопролития весьма разнообразны и многоплановы: это и нерешенные территориальные споры, и борьба за нефтяные, водные и другие ресурсы, и социально-экономические противоречия, и вмешательство внешних сил в региональные дела.

Рассматривать все острые проблемы Ближнего Востока в рамках данной публикации и невозможно и не нужно: далеко не каждая из них несет в себе тотальную угрозу и напрямую затрагивает российские интересы. Наше внимание будет сосредоточено на тех аспектах проблемы, которые представляются наиболее крупными, долгосрочными, плохо поддающимися урегулированию, способными нанести ощутимый ущерб основополагающим российским интересам, а также миру и стабильности в Евразии и во всем мире.

Условно можно выделить три комплекса проблем, на которые следует обратить внимание:

- 1) исламский экстремизм и международный терроризм;
- 2) арабо-израильский конфликт;
- 3) проблема распространения оружия массового уничтожения (ОМУ).

Попытаемся дать характеристику первому блоку проблемы, который сегодня привлекает внимание всех ведущих держав мира.

Россия является одной из крупных мусульманских стран. По общему числу приверженцев этой религии наша страна превосходит многие исламские государства. Более тридцати мусульманских народов, живущих на территории России, являются ее исконными жителями. Ислам исповедует около 12,5 % населения Российской Федерации.

Традиционно велик вклад мусульман в духовную жизнь российского общества. Растет удельный вес мусульман в предпринимательских кругах, активизируется участие зарубежных мусульманских диаспор в экономической жизни страны. Представители мусульманской общины постепенно входят в политическую элиту России.

Проблема роста религиозного экстремизма, с которой столкнулась часть новых независимых государств на постсоветском пространстве, включая Россию, носит многоплановый характер, а поиск путей ее решения требует взвешенного и беспристрастного подхода (7).

Наибольшую актуальность приобрели вопросы, связанные с влиянием внешнего фактора на процессы распространения идеологии исламского фундаментализма в России и других странах СНГ. В отечественной и зарубежной политологии продолжается дискуссия о соотношении внутренних и внешних причин соединения ислама и политики, факторов, способствующих появлению и развитию исламизма. У отечественных исследователей, которые наиболее активно разрабатывают данную проблематику в целом, а также отдельные ее аспекты (В. Донцов, А. Игнатенко, Г. Кини, Р. Ланда, А. Малашенко, И. Мелихов, С. Мельков, В. Наумкин, Г. Прозорова, Л. Сюкияйнен, А. Умнов) существуют различные точки зрения как на сам феномен исламского фундаментализма, так и на степень влияния внешнего фактора на радикализацию ислама в мусульманских регионах СНГ.

Очередная волна радикализации и политизации ислама в современном мире реализуется в форме процессов, которые по-разному квалифицируют как отечественные,

так и зарубежные исследователи. Иногда эти процессы рассматриваются как следствие «цивилизационного противостояния», и происходящие в мусульманском мире события трактуются с позиций «возрождения» ислама. В этом подходе, в частности, прослеживается мысль о том, что современный исламский фундаментализм – это закономерное явление в рамках «исламского ренессанса», поскольку оно отражает стремление части мусульман к возрождению «истинных» исламских ценностей в условиях глобализации.

Некоторые исследователи чаще делают акцент на социально-экономических интересах, которые стоят за активизацией исламских движений. При этом предполагается, что существующее несправедливое положение в международных отношениях, отсутствие устраивающих население развивающихся стран результатов в построении демократического (гражданского) общества, нерешенность острых социальных и экономических проблем, – все это выступает в качестве факторов, способствующих переходу фундаменталистов на позиции политического экстремизма. При таком подходе проблема так называемого исламского терроризма предстает как реакция на засилье западных стран в мировых делах, отражение крайних форм борьбы за равноправное участие в мировой политике, за национальный (или конфессиональный) суверенитет, иногда за сохранение права на социокультурную самобытность, но чаще всего – как стремление к решению внутренних проблем на путях установления «исламского порядка».

Исходным пунктом другого подхода, как правило, выступает анализ геополитических интересов в международных делах. При этом предполагается, что, например, за «ваххабизмом» в России (движением «Талибан» в Афганистане, салафитами в Египте, Йемене и других арабских странах) стояли и стоят определенные политические силы, которые используют подобные движения и организации для решения собственных задач. Под таким углом зрения исламские экстремисты могут предстать всего лишь орудием проведения политики отдельных западных или восточных государств, направленной на достижение конкретных целей: создание позиций в жизненно важных для них регионах, установление контроля над торговыми путями, транспортировкой энергоносителей, добычей отдельных видов минералов и т.п. (16. С. 42.).

Что касается России, то создание основных предпосылок для распространения идей «радикального» ислама реализуется через влияние внешних условий. В начале 90-х годов XX в. страны Арабского Востока выступили важной составляющей внешнего воздействия на ислам в России (13. С. 267.). Именно в этот период на фоне изменения международного положения нашей страны, а также значительных внутренних перемен арабо-мусульманское проникновение в Россию стало особенно заметным.

В связи с событиями на Северном Кавказе для российской внешней политики особую важность стали приобретать позиции отдельных арабских стран: Иордании и Сирии, на территории которых имеются значительные общины выходцев с Северного Кавказа; ОАЭ, поддерживающих тесные контакты с чеченскими сепаратистами; Кувейта и Бахрейна, где общественность и религиозные круги поддерживают требования предоставления Чечне независимости; Ливана, где действует ряд экстремистских организаций, и т. д. Наконец, события в Палестине используются исламистами в Чечне для привлечения внимания мусульманского сообщества к своей деятельности (заявления Хаттаба о намерении оказания помощи новой палестинской «интифаде»).

Вместе с тем «исламская составляющая» внешнеполитического курса ряда арабских стран в отношении России стала вызывать тревогу некоторых исследователей в связи с возможностью создания структуры политико-экономического и военного сотрудничества государств Ближнего и Среднего Востока. Предполагалось, что эту структуру могут рассматривать в качестве зоны своих интересов не только государства Закавказья и Центральной Азии, но и российский Северный Кавказ. При этом, например, Л. Хоперская отмечала, что «...для достижения поставленных целей мусульманские государства активно используют национальные спецслужбы, которые предпринимают попытки к

созданию широкомасштабного происламского лобби во властных структурах всех уровней. Среди их приоритетных задач – стремление обеспечить единое руководство над всеми мусульманскими организациями России, усилить позиции исламского фундаментализма на территории Северного Кавказа» (27. С. 65).

В то же время другие исследователи акцентировали внимание на не заинтересованность арабских государств в развитии конфликта на Северном Кавказе. Так, В. Ахмедов считает, что «...складывающаяся сегодня на Кавказе ситуация является для арабов весьма непростой и даже потенциально опасной, поскольку новые геополитические реалии здесь могут сформироваться без участия арабов и должного учета их интересов. В этой связи в ряде арабских государств весьма неоднозначно воспринимают попытки США, Турции и Израиля по установлению нового миропорядка на части Ближнего Востока, прилегающей к Кавказу» (3. С. 3).

Процессы, происходившие в российском исламе в 90-е годы, находились в поле зрения не только внешнеполитических ведомств арабских государств. Влиятельные представители религиозных кругов, авторитетные духовные лидеры, видные теологи и общественные деятели Арабского Востока стремились по мере возможности использовать складывающуюся ситуацию для распространения своего влияния на российскую исламскую общину.

Представляется возможным выделить следующие основные каналы арабо-мусульманского влияния на развитие общественно-политической ситуации в российской умме.

1. *Расширившиеся связи между мусульманскими деятелями арабских стран и российскими служителями ислама по линии духовного, просветительского, научно-религиозного, культурного обмена.* Арабские религиозные деятели стали более активно посещать Россию, принимая участие в различных исламских форумах, что позволяло налаживать прямые контакты с руководителями российских исламских структур, делиться опытом работы, а также в известной мере оказывать влияние на идейно-политическую ориентацию российских мусульман (10. С. 16–22.).

2. *Религиозное и светское образование, подготовка священнослужителей из числа российских граждан в учебных заведениях арабских стран, участие арабских преподавателей и их выучеников в учебном процессе в России.* В 90-е годы исламские учебные заведения Арабского Востока, включая ведущие исламские университеты «Аль-Азхар» (Египет), «Каравин» (Марокко), «Аз-Зейтуна» (Тунис), стали играть значительную роль в изучении гражданами России религиозных и светских дисциплин. Многие российские священнослужители, получившие исламское образование в странах Ближнего Востока и Северной Африки, заняли авторитетные позиции в религиозных структурах Российской Федерации. К 1999 г. в России действовало около 110 зарегистрированных мусульманских учебных заведений, в которых в разном объеме изучались религиозные дисциплины и арабский язык. В них работают преподаватели из Египта, Сирии, Иордании и других арабских стран. (20. С.45, 87, 92.).

Практика показала, что среди вернувшихся после учебы на родину молодых специалистов наибольший радикализм проявляли богословы, прошедшие подготовку в странах, где власти не могли в полной мере оградить слушателей от влияния местных радикальных религиозно-политических организаций. Такое положение вызывало неоднозначные оценки со стороны российских мусульманских священнослужителей. Некоторые из них высказывали критическое отношение к росту числа соотечественников, обучавшихся за границей. Так, многие имамы Северного Кавказа считали, что укреплению позиций «радикального» ислама способствуют, в частности, алимы, обучавшиеся в Саудовской Аравии, Ливии, Катаре, Египте, Сирии и других мусульманских странах (5). Говоря о подготовке за рубежом кадров служителей ислама, руководитель ДУМЕР Р. Гайнутдин в 1999 г. предостерегал: «...через несколько лет ислам в России может оказаться в руках выпускников зарубежных мусульманских учебных заведений, рассчитанных на совершенно иной тип мусульманина...

Именно они могут стать проповедниками, теоретиками и практиками радикального ислама, распространить его по всей стране». (3. С. 14–15).

3. *Активная общественная и религиозно-просветительская деятельность представителей арабо-мусульманской диаспоры.* По оценочным данным, в конце 90-х годов численность арабской диаспоры в Российской Федерации достигала почти 50 тыс. человек. Наряду с проживающими в России представителями арабских деловых кругов, натурализовавшимися арабами (в том числе политическими эмигрантами), арабо-мусульманские общины в нашей стране состоят из студентов различных российских вузов. Наиболее активные представители диаспоры участвуют в создании исламских обществ, выступают инициаторами учреждения мусульманских организаций, распространяют исламскую литературу, видеоматериалы и т.п.

4. *Гуманитарная деятельность официальных представительств благотворительных исламских и национальных арабских организаций.* Наиболее заметна роль арабских представителей в действующих на постоянной основе в России филиалах международных исламских гуманитарных организаций. Этому способствует широкий спектр решаемых ими уставных задач. Например, Всемирная исламская благотворительная организация (со штаб-квартирой в Кувейте) занимается в России просвещением, оказанием материальной и моральной помощи мусульманам и их организациям, издательской деятельностью, финансированием строительства мечетей, организацией международных исламских форумов (11).

5. *Проповедническая и организационная деятельность представителей различных исламских миссионерских организаций.* В ряде регионов России (Дагестане, Кабарде, Адыгее, Ингушетии, Татарстане, Башкирии) обосновались миссионеры суннитской Ассоциации уведомления о грядущем Страшном суде и исламского призыва. На территории России она действует со времен Советского Союза. Ее вклад в дело борьбы с коммунизмом саудовские авторы (Аль-Джихни) оценивают весьма высоко (30. С. 327 на араб. языке). Для пропаганды своих взглядов члены этих объединений активно участвуют в работе религиозных семинаров, симпозиумов, в научных и культурных мероприятиях. Иногда под лозунгами возрождения культурно-исторического наследия ислама в некоторых мусульманских регионах России они проводили деятельность, направленную на увод этих регионов от «влияния Москвы».

Значительным вниманием сторонников таких ассоциаций пользовался до начала контртеррористической операции в Чечне Северный Кавказ. Отмечались случаи непосредственного участия отдельных «проповедников» в деятельности бандформирований (16).

Рассматривая влияние арабов на ислам в России в 90-е годы, отметим наиболее острые проблемы.

1. *Превращение деятельности миссионеров, образования за рубежом, финансирования социальных проектов, гуманитарной помощи и прочих проявлений «исламской солидарности» в фактор напряженности в российско-арабских отношениях.* В целом в 90-е годы стремление арабских стран оказать поддержку российским мусульманам носило преимущественно спонтанный характер. В литературе отмечалось, что до 1998 г. никаких специальных общеисламских программ оказания помощи российским мусульманам не планировалось (17. С. 78). Это обстоятельство во многом определило противоречивый характер оказываемой помощи (миссионерской, финансовой и др.) единоверцам в России, а также неоднозначность последующих оценок СМИ в отношении участия арабов в возрождении ислама в нашей стране.

Суть противоречия состоит в том, что поддержка мусульман в других странах считается одним из основополагающих направлений внешней политики ряда арабских государств (18. С. 44).

Практическая реализация исламских установок на российском направлении внешнеполитической деятельности стран Персидского залива в 90-е годы стала создавать проблемы. У российской стороны не находили понимания отдельные попытки арабских

представителей использовать гуманитарную помощь для создания политических позиций в нашей стране.

2. *Нескоординированность подходов к ведению миссионерской и благотворительной деятельности с позицией российской стороны.* В связи с нарастанием в 90-е годы сепаратистских тенденций в районах традиционного распространения ислама внимание российской стороны стала привлекать деятельность некоторых исламских организаций, штаб-квартиры которых расположены в Саудовской Аравии. В прессе сообщалось, что указанные организации оказывали значительную финансовую помощь исламским структурам Северного Кавказа, в том числе в Чечне (22). Эти организации не всегда следуют рекомендациям саудовского правительства. В частности, им рекомендовано не выходить за рамки официальной линии Эр-Рияда на невмешательство во внутренние дела других государств и проявлять полную лояльность по отношению к властям стран, где имеются их представительства.

3. *Несоблюдение отдельными представителями исламских организаций, а также некоторыми гражданами арабских стран российского законодательства.* В начале 90-х годов в деятельности представительств зарубежных исламских организаций в России стала просматриваться тенденция по созданию структур «параллельного ислама». В обход российских официальных мусульманских учреждений они распространяли религиозную литературу, строили мечети и культурные центры, содействовали желающим совершить хадж, оказывали финансовую помощь священнослужителям. Кроме того, некоторые арабские организации предпринимали попытки создать исламские учебные заведения для детей. В этом отношении особой активностью на Северном Кавказе отличилась Международная благотворительная организация «Тайба», контролируемая Саудовской Аравией (4. С. 60). В соседних с Россией странах создавались опорные пункты (27). Начали вскрываться факты, свидетельствовавшие, что многое пошло на финансирование незаконных вооруженных формирований в Чечне (Хаттаба, Ш.Басаева) (14).

4. *Стремление сепаратистских и экстремистских сил в России использовать зарубежную помощь и авторитет исламских организаций.* Создававшиеся в 90-е годы в России политические организации исламской направленности предпринимали попытки наладить контакты с арабскими исламскими организациями. В свою очередь, некоторые их представители принимали активное участие в подготовительных мероприятиях по созданию политических организаций в нашей стране (25. С. 167 на араб, языке). Зарубежные миссионеры в своих проповедях допускали высказывания, вызывающие межрелигиозную рознь, открыто призывая к джихаду (28).

5. *Возможность включения России в зону влияния радикальных религиозно-политических организаций.* Рассмотрение влияния неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО) стран Ближнего Востока на ситуацию в российской мусульманской общине связано с рядом трудностей. Во-первых, деятельность такого рода объединений носит преимущественно негласный характер. Во-вторых, акции НРПО вызывают наибольший резонанс в общественном мнении, поскольку часть из них прибегает к методам террора. В-третьих, экспертные оценки результатов их деятельности в определенной мере подчинены конъюнктурным соображениям. Вместе с тем проблема возможного вовлечения России в зону влияния радикальных исламских группировок реально уже существует.

Это связано с тем, что часть арабских НРПО стремится перенести свою деятельность туда, где население оказывается более восприимчивым к идеям исламского фундаментализма.

Включению России в зону влияния радикальных НРПО способствуют также факторы, связанные с участием нашей страны в разрешении различных региональных конфликтов. Россия вследствие возникновения «горячих точек» на ее территории (Северный Кавказ), в непосредственной близости (Центральная Азия), а также в зоне ее внешнеполитических интересов (Балканы, Ближний Восток) оказалась

противопоставлена целому ряду исламских стран и движений. Это противостояние стало заметным в ходе событий на Балканах. Так, в связи с событиями в Косово лидеры египетских группировок «Аль-Гамаа аль-исламийя» и «Аль-Джихад аль-исламий», воспринявшие позицию России как враждебную косовским мусульманам и исламскому миру в целом, выразили намерение действовать против интересов нашей страны (5. С. 34–45).

Пока нет достаточных оснований говорить о широкомасштабной деятельности наиболее радикальных и прибегающих к методам террора НРПО на территории России. Идеино-политическая активность ближневосточных группировок направлена в основном на большую колонию арабоязычных выходцев из стран Ближнего Востока: среди них встречаются люди, симпатизирующие идеям группировок, возникших на базе «Братьев-мусульман». В интересах своих организаций отдельные их представители занимаются изучением положения в государствах СНГ (23).

В то же время представители радикальных арабских НРПО проявляют повышенное внимание к региону Северного Кавказа. Ранее они принимали участие в отправке российских граждан из Дагестана и Чечни в исламские учебные заведения арабских стран. Там некоторые из них подвергались идеологической обработке и возвращались в Россию фанатичными приверженцами идей «чистого» ислама. Кроме того, на территории Чечни в специальных лагерях инструкторы, которые являлись членами НРПО, помимо преподавания военных дисциплин, пропагандировали идеи сепаратизма и создания на новых «независимых» территориях «исламских государств» (4. С. 82–125; 31. С. 60).

В качестве примера субъекта Российской Федерации, где наиболее активно «синтезировался» в последние годы (в том числе под воздействием внешнего фактора) «радикальный» ислам, можно привести Дагестан. Несмотря на то, что сложившаяся в Дагестане ситуация стала следствием целого комплекса противоречий, важным фактором ее развития выступило привнесение извне идей «возрождения» ислама (6).

События на Северном Кавказе стали серьезной проверкой для традиционно дружественных отношений между арабскими странами и Россией. Официальная реакция правительств большинства арабских государств на обострение конфликта была фактически однозначной – невмешательство во внутренние дела России, поддержка борьбы с терроризмом и сепаратизмом, обеспокоенность проблемой беженцев. Вместе с тем по мере проведения контртеррористической операции в Чечне все большее внимание стало уделяться в российских СМИ вопросам финансирования и оказания иной помощи сепаратистам с территории арабских стран. Повышенную обеспокоенность стала проявлять российская сторона в связи с участием арабов в боевых действиях в Чечне.

Обозреватели отмечают следующее обстоятельство. В арабских странах существует традиция благотворительности: богатые люди дают деньги на строительство мечетей. Благотворительные общества могут использовать эти деньги для финансирования вооруженных группировок в различных частях света, в том числе в Чечне (2).

Со ссылкой на данные правоохранительных органов российская пресса сообщала, что эмиссары независимой Ичкерии «выколачивают деньги из диаспор и частных лиц» (29. С. 423).

Одним из основных способов передачи финансовых средств стало использование курьеров. На территории России неоднократно задерживались представители арабских стран (и другие иностранцы), которые легально въехали в страну, имея при себе значительные суммы. Затем эти деньги оседали в Чечне (26).

По мере развития событий на Северном Кавказе в прессу стали все больше просачиваться сведения о возрастании такого рода поддержки. Сотрудники российских спецслужб, которые вскрывали факты причастности арабских стран к финансированию чеченских сепаратистов, в своих заявлениях подчеркивали, что «не имеют в виду какую-либо помощь, предоставляемую по правительственным каналам, однако деятельность различного рода «благотворительных» фондов и религиозных организаций осуществляется именно на территории этих государств» (19).

Высокую активность проявляли организации, базирующиеся в Кувейте, Катаре, Бахрейне, ОАЭ, Йемене, Ливане. (8; 9; 4а). Особое место заняла Иордания. В Королевстве проживают примерно 50 тыс. черкесов и чеченцев – выходцев с Кавказа, бежавших оттуда в конце XIX в. Эти организации ведут сбор информации о Российской Федерации, включая Чечню (1. С. 15–16).

Последнее обстоятельство служит причиной того, что деятельность чеченской диаспоры часто отождествляется с участием Иордании в северокавказском конфликте. В литературе отмечалось, что участвовавшие в боевых действиях в Чечне в 1994–1996 гг. выходцы из Иордании были чеченцами, а не арабами. Вместе с тем радикальные исламские круги в Иордании приняли активное участие в сборе средств для Чечни (24).

В целом попытки получения чеченцами финансовой помощи от арабских стран в 1999–2000 годах на правительственном уровне были, видимо, безуспешными. Подтверждением этого может служить заявление находившегося в Катаре З.Яндарбиева, который вынужден был признать: «До сих пор ни в одной исламской стране мы не встретили поддержки, на которую рассчитывали» (9). Оценивая факты поступления финансовых средств в Чечню от частных лиц и представителей исламских организаций, расположенных на территории арабских стран, следует признать, что благодаря мерам, принятым их властями, эти случаи носили ограниченный характер.

Гораздо более сложной, чем контроль за финансовыми потоками, проблемой для арабских государств стало недопущение участия своих граждан в боевых действиях на Северном Кавказе. Власти некоторых арабских стран могут только в относительной мере владеть ситуацией вокруг прибытия и проживания на своей территории членов религиозно-политических экстремистских организаций.

Первые сообщения о наемниках – выходцах из мусульманских стран стали появляться в СМИ в связи с событиями в Дагестане. Утверждалось, что в числе боевиков, вторгшихся в Дагестан, были отмечены «добровольцы» из Афганистана, Пакистана, Турции, Египта, Иордании, Саудовской Аравии, Йемена и ряда других стран. Иностранцы наемники, имея опыт ведения боевых действий, проходили дальнейшую подготовку в тренировочных лагерях в Афганистане и Пакистане. Кроме того, в прессе со ссылкой на сотрудников УФСБ по Дагестану, сообщалось о том, как выходцы с Арабского Востока при финансовой поддержке экстремистских сил из Египта, Турции, Афганистана, Кувейта, Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, Судана и Марокко готовят боевиков в Чечне (12). Ситуация усугублялась тем, что в Чечне долгие годы была поставлена на поток незаконная выдача наемникам российских паспортов.

Как представляется, основными предпосылками возникновения проблем, связанных с участием арабов в возрождении ислама в России, послужили:

- последствия идеологического противостояния с рядом арабских стран в годы существования Советского Союза, взаимное недоверие как один из результатов последующей обоюдной вовлеченности в региональные конфликты (Югославия, Центральная Азия и др.);
- спонтанность и нескоординированность попыток арабо-мусульманских стран, их организаций и отдельных граждан (подданных) оказать поддержку российским мусульманам;
- плохое знание арабскими представителями российского законодательства, российских реалий; попытки действовать в обход существующих в Российской Федерации официальных религиозных структур;
- недостаточная определенность позиции российской стороны в отношении религиозного экстремизма;
- тенденциозность в освещении рядом арабских и российских СМИ событий в российской умме и хода северокавказского конфликта.

К числу имеющихся возможностей для преодоления указанных проблем можно отнести:

- исторически сложившиеся прочные связи между нашей страной и странами Арабского Востока;
- стремление арабских стран к установлению прочных отношений с новой Россией;
- объективную незаинтересованность арабских стран в развитии конфликта на Северном Кавказе, поскольку его дальнейшая эскалация означает формирование в этом регионе новых геополитических реалий без должного учета их интересов.

В целях преодоления возникающих в связи с арабо-мусульманским влиянием на ислам в России трудностей в российско-арабских отношениях представляется необходимым:

- придание государственными органами России приоритетного значения исламскому аспекту внешней политики;
- достижение взаимопонимания с арабо-мусульманским миром по комплексу вопросов международного и внутреннего характера, связанных, в частности, с подходами к решению межконфессиональных конфликтов, борьбой с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и этническим сепаратизмом;
- приобретение нашей страной позиций в международных исламских организациях;
- выработка адекватной политики в отношении миссионерской, благотворительной и т. п. деятельности в России зарубежных религиозных организаций;
- объединение усилий России и арабских стран по поиску решения проблемы религиозного экстремизма на основе безусловного соблюдения прав человека, уважения чувств верующих всех конфессий, а также национального суверенитета и, что особенно важно, не в ущерб двусторонним отношениям с третьими странами.

В конечном счете, усиление значения России в мусульманском мире будет способствовать более эффективному решению ее внутренних проблем, обеспечению территориальной целостности и внешней безопасности.

В начале XXI в. Россия оказалась на пути вхождения в зону возрастающей нестабильности (Ближний и Средний Восток, Центральная и Южная Азия, Кавказ). Эксперты говорят о новой волне исламского радикализма, захлестнувшей эти регионы. Они делают неутешительные прогнозы в отношении дальнейшей экспансии исламского экстремизма. Особую тревогу вызывает тот факт, что процесс дестабилизации религиозно-политической ситуации в самой России протекает на фоне:

- снижения роли международного сообщества в разрешении региональных проблем и вследствие этого увеличения использования силы при решении спорных вопросов, применения принципа «коллективной ответственности» населения за деятельность национального руководства;
- качественно нового по уровню применения технических средств и масштабам использования специальных пропагандистских методов воздействия на общественное мнение («информационные войны», «информационно-пропагандистское обеспечение» тех или иных международных акций, «психологическая война» и т. п.);
- привыкания населения к экстремальным методам решения конфликтов («этнические чистки», использование вооруженных сил для полицейских операций и т. п.).

В целом активизация в 90-х годах в этой зоне определенных общественно-политических сил под эгидой ислама стала одним из следствий глобального нарушения биполярной системы, конкуренции между социализмом и капитализмом. Приходится констатировать, что СССР в своем качестве идеологического противовеса Западу выполнял функцию фактора, сдерживавшего подъем новой волны исламизма.

Мировая система социализма ушла в прошлое, оставив исламистов один на один с Западом. В результате в 90-е годы стало все заметнее стремление антизападных сил сплотиться под знаменем вероучения, потенциал которого основывается на способности к периодическому самоочищению и самовозобновлению. Деятельность исламистов приобрела широкий международный характер. Они активно пытались использовать в

своих интересах инфраструктуры «исламской солидарности» (благотворительные организации, фонды и т.п.). Для координации деятельности и пропаганды своих взглядов представители исламских НРПО начали использовать современные средства информации и коммуникации, включая Интернет. Сравнительно благоприятные условия в ряде европейских стран (Великобритании, ФРГ и др.) позволили их членам фактически беспрепятственно вести агитационную, организационную и финансовую деятельность.

При выработке мер по противодействию экстремизму и терроризму представляется целесообразным разделить следующие понятия: исламизм (условно – «политический» ислам, использование ислама в политических целях), исламский радикализм (в том числе негативное отношение к отклонениям от норм ислама в общественной жизни), исламский экстремизм (воинствующее неприятие таких отклонений, в том числе с использованием методов морально-психологического давления на оппонентов) и собственно терроризм (преступная деятельность, направленная в том числе против основ конституционного строя). Как представляется, исламский радикализм и исламский экстремизм должны стать заботой священнослужителей. Именно они способны квалифицированно противодействовать радикальным и экстремистским проявлениям (отклонениям) в вероучении. Попытки перехода экстремистов к насилию (принудительному «изменению» общества в соответствии со своими представлениями) должны быть объектом внимания правоохранительных органов.

В свою очередь, международное сотрудничество по противодействию терроризму предполагает взаимодействие правоохранительных органов различных стран в сфере предотвращения и пресечения террористических проявлений, в том числе со стороны исламских НРПО. Вместе с тем представляется важным нейтрализовать попытки отдельных стран Ближнего Востока отвести от себя угрозу исламского экстремизма путем перевода деятельности исламистов в антироссийское русло.

На уровне государств (в России и других государствах СНГ) необходимо прежде всего принять меры общего порядка по устранению или ослаблению причин, способствующих созданию условий для перехода протестных настроений населения в форму религиозного радикализма с последующей трансформацией в экстремизм. Кроме того, следует предпринять шаги по усилению государственного контроля за экстремистскими религиозно-политическими организациями и группировками.

1. *Аганян А. Р.* Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве. М., 2000.
2. *Арухов З.* Ислам и политический экстремизм на Северном Кавказе // Мусульмане 2000. № 1.
3. *Ахмедов В. М.* Россия, арабы и Кавказ // Арабский сборник. М., 2000.
4. Безопасность России. XXI век. М., 2000.
- 4а. Власть, 9 ноября 1999.
3. *Гайнутдин Р.* Как усилить роль религиозных организаций мусульман в религиозном возрождении России? М., 1999.
4. *Гушер А.* Дагестан: Новый очаг напряженности // Азия и Африка сегодня. 1998. № 2.
5. *Донцов В. Е.* «Исламский фактор» в международных отношениях // Дипломатический ежегодник. 1997.
6. *Ефремова И., Роцин М.* Особенности дагестанского джихада // НГ- религии. 23 августа 2000.
7. *Игнатенко А. Н.* Эндогенный радикализм в исламе. М., 2000.
8. Известия. 20 января 2000;
9. Известия. 20 сентября 2001.
10. Ислам и современные международные отношения. М., 2001.
11. Ислам Минбебе (Трибуна ислама). 1999, № 4.
12. Красная звезда. 18 октября 2000.
13. *Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995.
14. *Лорня Е.* Чеченская пирамида. 13 ноября 1999.

15. Макаров Д. Радикальный исламизм на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня // Бюллетень Центра стратегических и политических исследований. 1999. №1.
16. Макаров Д. Дневник террориста// Аргументы и факты. 2000. № 38.
17. Малащенко А. В. Исламское возрождения в современной России. М., 1998.
18. Меликов И. А. Арабо-израильская составляющая внешней политики стран ССАГПЗ // Восток. 2000. №2.
19. Михайлов Е. Тайные тропы оружия // Версты. 25 октября 1999.
20. Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. М., 1999.
21. Независимое военное обозрение. 15–21 октября 1999.
22. Независимая газета. 20 октября 1999.
23. Радонеж. 1999. №7-8.
24. Сегодня. 23 сентября 1999.
25. Тахан М. М. Будущее ислама на Кавказе и в Средней Азии. Кувейт, 1995.
26. Тысовский Ю. Исламские деньги текут в Чечню // Век. 1999. № 40.
27. Хоперская Л. Проблемы региональной безопасности на Северном Кавказе. М., 1999.
28. Челноков А. Ваххабиты в Тобольске // Совершенно секретно. 1999. №10.
29. Шерматов С. Так называемые ваххабиты // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1993.
30. Энциклопедия современных религий, движений и партий, (на араб. языке). Эр-Рияд, 2000.
31. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. М., 1999.